

Трансформации социально-экономического пространства регионов: международный опыт и основные тенденции*

Дорофеева Л. В.^{1, *}; Рослякова Н. А.^{2.}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *dorofeeva-lv@ranepa.ru

²Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Сегодня для принятия управленческих решений в области регионального развития требуется выработка новых концепций и теорий, которые способны объяснить природу сложившейся экономической ситуации. Вопросами развития регионов и трансформации их пространства заняты и правительства, и научное сообщество, и даже активисты. Если рассматривать именно научный подход, то следует обратить внимание на неоклассические модели развития территорий. Они уже более 50 лет являются основой экономического роста. Такие модели предполагают, что не только для государств, но и для отдельных регионов в качестве основной движущей силы развития выступает внешний спрос и глобальная конкурентоспособность. Высокая волатильность пространства ставит вызовы перед странами и отдельными регионами, которым приходится брать на себя большую ответственность ввиду снижения эффективности универсальных решений социально-экономических проблем. Остается открытым вопрос, в каком направлении проводить стратегические инициативы: оглядываться на прошлые успешные подходы или формировать повестку, основываясь на глобальных трендах. Оба варианта несут в себе значительные риски социальных потрясений и падения качества жизни населения, что недопустимо. Это значит, что цена принятия управленческих решений будет только расти. В этих условиях требуется понимание всего спектра экспертных оценок, предлагаемых для решения вопросов, связанных с трансформацией социально-экономического пространства регионов. Целью данного исследования является обобщение международного опыта регионального управления социально-экономическим пространством и определение ключевых векторов развития.

Ключевые слова: социально-экономическое пространство регионов, кластерная политика, эффективность капитала, дивергенция пространства, региональная экономика, регион

Для цитирования: Дорофеева Л. В., Рослякова Н. А. Трансформации социально-экономического пространства регионов: международный опыт и основные тенденции // Управленческое консультирование. 2022. № 2. С. 33–48.

Transformations of the Socio-Economic Space of Regions: International Experience and Main Trends

Ludmila V. Dorofeeva^{1, *}, Natalia A. Roslyakova^{2.} *

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *dorofeevalv@ranepa.ru

²V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences RAS, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Today, management decisions in the field of regional development require the development of new concepts and theories that can explain the nature of the current economic situation. Governments, the scientific community, and even activists are busy with the development of

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

regions and the transformation of their space. If we consider the scientific approach, then we should pay attention to the neoclassical models of territorial development. They have been the basis of economic growth for more than 50 years. Such models assume that not only for states, but also for separate regions, external demand and global competitiveness act as the main driving force of development. The high volatility of the space makes difficulties for countries and regions, which have to take on greater responsibility due to the decrease in the effectiveness of universal solutions to socio-economic problems. The question remains open in which direction to pursue strategic initiatives: to look back at past successful approaches or to form an agenda based on global trends. Both options carry significant risks of social upheaval and a decline in the quality of life of the population, which is unacceptable. This means that the price of taking decisions will only grow. In these conditions, it is necessary to understand the full range of expert assessments proposed to address issues related to the transformation of the socio-economic space of the regions. The purpose of this study is to review the international and Russian experience of regional management of socio-economic space and identify key directions of development.

Keywords: socio-economic space of regions, cluster policy, capital efficiency, divergence of space, regional economy, region

For citing: Dorofeeva L. V., Roslyakova N. A. Transformations of the Socio-Economic Space of Regions: International Experience and Main Trends // Administrative consulting. 2022. N 2. P. 33–48.

Введение

Двадцать первый век по праву можно назвать временем глобальных проектов. В первое его десятилетие выстраивались международные институты, определяющие социально-экономическое развитие отдельных территорий. Организация региональных субъектов и даже административное деление уходило на второй план. Стирание границ, тотальная транспарентность стали основной опорой экономического роста и выравнивания социального пространства, когда жители менее развитых стран могли беспрепятственно оказаться в более благоприятных условиях, мигрируя в рамках одного государства (союза государств). Отмена визовых барьеров, унификация процессов управления, стандартизация продуктов в серьезной степени нивелировали региональные барьеры. Однако усиление кризисных явлений как в экономической, так и в геополитической сферах привело к резкой смене парадигм. За последние пять лет роль международных институтов значительно снизилась, пандемия коронавируса и политические противоречия вернули на повестку дня протекционизм. Социально-экономическое пространство начало фрагментироваться и, соответственно, усилилась роль регионов.

Регионы становятся ключевым локомотивом развития и образуют наиболее перспективные формы взаимодействия и хозяйственной организации (кластеры). При этом важно понимать, каким набором инструментов и механизмов обладает государство для контроля и стимулирования процессов трансформации регионов.

Высокая волатильность пространства ставит вызовы перед странами и отдельными регионами, которым приходится брать на себя большую ответственность ввиду снижения эффективности универсальных решений социально-экономических проблем. Остается открытым вопрос, в каком направлении проводить стратегические инициативы, оглядываясь на прошлые успешные подходы или формируя повестку, основываясь на глобальных трендах. Оба варианта несут в себе значительные риски социальных потрясений и падения качества жизни населения, что недопустимо, а значит, цена принятия управленческих решений будет только расти. В этих условиях требуется понимание всего спектра экспертных оценок, предлагаемых для решения вопросов, связанных с трансформацией социально-экономи-

ческого пространства регионов. Целью данного исследования является изучение международного опыта регионального управления социально-экономическим пространством и на основе проведенного анализа определение ключевых векторов трансформации и развития.

Обзор литературы

Следует отметить, что в области исследований пространственного развития регионов большое внимание уделяется экономической составляющей, которая играет роль спускового крючка для освоения территории и позволяет развивать остальные сферы, такие как социальное пространство, инфраструктура и прочее. Рассматривая теорию регионального развития, можно выделить ряд этапов [5].

Так, первый этап развития пространственных исследований рассматривает доиндустриальные экономические системы. Изменения в территориально-отраслевой структуре происходили крайне медленно, а взаимодействия между районами, как правило, носили эпизодический характер. Расстояния еще не играют существенной роли. Национальное разделение труда развито слабо, товаров сравнительно мало, и центры их производства значительно удалены от центров потребления. Система пребывала в наиболее устойчивом состоянии, способном достаточно быстро восстановиться после потрясений и шоков.

Имеющаяся в тот период автономность регионов показала возможность эффективного и устойчивого освоения территории вне глобализации. При этом сегодня мы можем видеть возрождение ряда характерных для того периода трендов, таких как экономика совместного потребления, циркулярная экономика и упор на экологичные решения.

На втором этапе региональное развитие все более основывается на кооперации товарных производств. Географические условия постепенно снижают влияние на развитие территорий, уступая место экономическим (сравнительным издержкам производства и распределения, предельной продуктивности труда и капитала, интенсивности и структуре спроса и пр.). Конкурентоспособность региона все больше зависит от стратегии крупных корпораций.

На этом этапе важную роль играет развитие инфраструктуры. Изначально, согласно концепции Альфреда Вебера [2], предполагалось, что она формируется исключительно за счет государства. Но, как показала практика формирования транснациональных корпораций (ТНК), в этот период идет активное создание частной инфраструктуры, которая окажет влияние на пространственное развитие позднее, в начале XXI в.

На третьем этапе происходило формирование непосредственно пространственного подхода. С начала 1960-х годов активно развивается глобализация экономической деятельности, получившая новый импульс в 1980-х годах и ставшая основой политических решений по управлению региональным развитием во всем мире. В странах Западной Европы (Германии, Нидерландах, Великобритании, Франции, Италии) идеи пространственного развития и механизмы государственного управления активно использовались. Тут можно отметить кластерный подход, полюса роста и экономическую специализацию в регионах в рамках ЕС.

Начиная со второй половины XX в., управление регионом претерпело значительные трансформации. Во многом это связано с переосмыслением значения и роли региональных экономических систем в экономическом развитии государства. Одним из наиболее распространенных инструментов управления региональным развитием для поддержания темпов экономического роста является кластерный подход. За последние годы кластеры стали одним из ключевых инструментов содействия развитию частного сектора и одной из моделей управления регионом. Среди важных

характеристик кластеров следует выделять их взаимосвязь с устойчивым развитием. Такая связь проявляется в стимулировании стратегических целей бизнеса и научных организаций, которые связаны с региональными органами власти и, таким образом, создании социального капитала в форме стимулирования формирования инноваций и технологий [18].

Среди наиболее распространенных форм кластеров выделяются промышленные кластеры. Такая форма кластеров рассматривается как один из важнейших участников экономического и инновационного развития в реалиях современной экономики. Промышленные кластеры представляют собой инструмент структуризации экономического пространства и экономической деятельности. В общем виде кластерное развитие можно описать как совокупность мероприятий от адаптации (небольших изменений процессов развития кластеров) до трансформаций (существенных изменений в кластере, которые могут оказать влияние на экономическую структуру региона) [31]. Кроме того, кластеры выступают как инструмент интенсификации инновационной деятельности на территории региона, и, одновременно с этим, привлечения инвестиционных ресурсов и объединения разных участников экономической системы в рамках одной производственной цепочки. Все это в комплексе оказывает значительное влияние на развитие региональной экономики и формирует новые направления в рамках управления регионом.

Одной из ключевых проблем региональных исследований как с эмпирической, так и концептуальной точки зрения является эволюция инфраструктуры. Инфраструктура, как предмет исследования региональной экономики, все чаще выходит на первый план. Одним из актуальных исследовательских направлений является анализ инфраструктуры, как одного из ключевых факторов создания региона, как субъекта экономики. Научные труды 60–70-х годов имели позитивистскую направленность и предполагали различные подходы анализа отраслевой инфраструктуры. Начиная с 1980-х годов значительно возрос научный интерес к моделям деиндустриализации. В 1990-е годы научно-исследовательское внимание переориентировалось на проблематику влияния инфраструктуры на развитие регионов. Однако в большей степени вопросы исследования инфраструктуры находились на втором плане [27]. Начиная с 2010-х годов, вектор исследований инфраструктуры и ее взаимосвязи с экономическим развитием все больше переходит в практическую сферу. Так, исследования влияния транспортной инфраструктуры (в разрезе высокоскоростных железных дорог в Китае) на экономическую структуру городов показали, что железнодорожная инфраструктура обеспечивает прочность экономического положения городов в зоне своего охвата. Также была продемонстрирована связь между специализацией города высокоскоростными железными дорогами [13].

В определенной степени произошли изменения в подходах к управлению инновационной системой региона. Сегодня одной из первостепенных задач инновационной политики является наращивание и укрепление регионального инновационного потенциала. Кроме того, базируясь на концепции полюсов роста, некоторые исследователи утверждают, что для содействия управления производственными инициативами в отстающих регионах требуется сочетание работы по развитию инфраструктуры и инвестиционной поддержке [20]. Одной из центральных тем в макроэкономике является взаимосвязь инноваций и роста. Изначально долгосрочный экономический рост рассматривался в зависимости с рабочей силой и капиталом, а технологии рассматривались экзогенным фактором. Сегодня же широко распространена исследовательская точка зрения о том, что технологии представляют собой эндогенный фактор системы. Существует отдельный блок исследований, подтверждающих наличие связи между инновациями и экономическим

ростом, а также возможностью стимулирования экономического развития за счет эффективной системы финансирования сферы НИОКР [11].

В последние годы в региональном управлении все большее внимание уделяется умной специализации. На момент формирования проблематики умной специализации она представляла собой направление, ориентированное на концентрирование и специализацию инновационной и исследовательской деятельности таким образом, чтобы взаимодополнять и развивать процессы в инновационной и предпринимательской сферах. В процессе своего развития концепция умной специализации начала распространяться на все большие отраслевые рынки [23]. В общем виде умная специализация обладает двумя характерными чертами.

1. Преобразующая функция политики реализуется через меры, ориентированные на конкретные виды экономической деятельности. Особенную роль в такой поддержке играет привлечение инвестиционных потоков в приоритетные отрасли.

2. В основе определения вида экономической деятельности, который может получить поддержку, должны лежать доказательства, сформированные в результате взаимодействия предпринимателей и лиц, определяющих политику поддержки.

В рамках программы Европейского Союза «Инновационный союз» (RIS3) политики должны были ориентироваться на поддержку идентифицированных приоритетных видов деятельности в течение всего исследовательского периода. По окончании такого периода дальнейшую поддержку получают те, кто продемонстрировали достаточный потенциал к развитию. Хорошим примером такого рода является российская система Нацпроектов и «подвала проектов» (пула проектов, которые могут быть приняты к реализации при изменении некоторых условий). Основываясь на анализе данной программы, некоторые исследователи высказывают мнение о том, что умная специализация (стратегии умной специализации лежали в основе программы RIS3) может предотвратить любые спады в процессе развития региона. Это обусловлено сглаживанием траектории развития региона через множество потенциальных путей роста по целому ряду приоритетных видов деятельности [8].

Ускорение темпов научно-технического развития приводит к скачкам в экономическом развитии многих стран. Резкие трансформационные процессы в экономических системах обостряют проблему распределения благ и финансовых ресурсов между разными категориями граждан. С точки зрения экономики схожие процессы происходят между территориальными экономическими системами. Одной из острых проблем в европейской политической и экономической науке является вопрос децентрализации. Одним из объяснений формирования пространственных различий между экономическими системами может служить различие следствий одних и тех же действий (мероприятий по экономическому развитию). Эти региональные отличия экономических эффектов ограничивают возможности полного использования бюджетной подотчетности [38].

Наряду с проблематикой растущей дифференциации экономических систем внутри государств в условиях развития научно-технического прогресса особое значение в процессах управления регионом принимает вопрос энергетических преобразований. Здесь анализируется, каким образом региональные структуры, расположенные на высоких позициях в цепочках экспорта возобновляемой энергии, трансформируются в периферийные ресурсные зоны. Исследования региональных энергетических переходов акцентируются на снижении спроса домохозяйств на энергию за счет новых видов топлива. Другой стороной трансформации регионального управления в сфере энергообеспечения является адекватность стратегических программ государства в этой сфере. В научно-исследовательской литературе анализируются со-

циально-экономические условия, сети, институты и политика, как ключевые элементы пространственной дифференциации [15].

Методология

Для ответа на вопрос о природе трансформаций в экономическом пространстве большое значение имеет аналитическая работа, где краеугольным камнем выступают цели и задачи анализа в сочетании с инструментарием, направленным на выявление тех или иных трансформационных процессов.

На первоначальном этапе развитие компьютерных и математических методов обработки данных стимулировало внимание к поиску новых теоретических моделей, которые бы позволяли анализировать состояния региональных систем и описывать взаимосвязи трансформирующихся параметров, а также на этой основе вырабатывать методы регулирования для экономических систем различного уровня. Здесь можно назвать работы Varian [39], Kawata [28], Burmeister, Turnovsky [9], которые предлагали новые теоретические модели, ориентированные на поиск параметров, способных стабилизировать социально-экономическую ситуацию в регионах при трансформациях различной природы (ценовых, рыночных, товарных, трудовых и капитальных региональных пропорций). Данный этап развития методологии обогатил данную область исследования инструментарием имитационных и оптимизационных экономико-математических моделей.

Следующий этап ознаменовался осознанием мощного влияния институциональных факторов на трансформационные процессы. На данных азиатских, латиноамериканских, европейских стран рассматривалось влияние тенденций глобализации, урбанизации, экологизации, миграции, усиления неравенства доходов на региональные экономические процессы. Взаимосвязи с развитием процессов глобальной торговли исследовались в работах Sachs, Yang, Zhang [35] и Ranis, Stewart [33]. Роль протекционизма в региональных трансформациях отстаивали Garbaccio [21] и Gills [25]. Природа воздействия социально-экологических факторов на экономические трансформации в регионах подробно рассмотрена в работах Renard [34], Silvapulle, Moosa, Silvapulle [36], Knight [30]. Также следует выделить работу Chen [14], которая на примере Китая подчеркивает важность пусть более медленной, но самостоятельной выработки институтов, что способствует разработке максимально успешной политики по управлению региональными трансформациями. Аналогичное мнение относительно России можно встретить в работах Каткова, Митяева [3] и Нижегородцева [6].

Хочется обратить внимание, что если до 2008–2009 гг. основной фокус исследований приходился на развивающиеся страны (Китай, Индия, Россия, страны СНГ и Латинской Америки), то резкие и порой необратимые трансформации позволили распространить эти выводы и на развитые страны. Теперь большинство работ посвящено глубоким институциональным противоречиям в трансформационных процессах США, Канады, Японии, странах Евросоюза [12; 16; 19; 22; 32; 37; 40]. Здесь подробно исследуются вопросы экологической повестки, налогового статуса, влияние наличия таких образований, как региональные кластеры, подразделения глобальных компаний, зоны со специальными режимами торговли и налогообложения. В силу того, что институциональные факторы имеют существенно более низкую степень конкретизации и квантификации, то возможности по применению формальных методов оказались весьма ограниченными. Это поставило задачу обновления инструментария рассматриваемой предметной области, и на первый план выходят так называемые непараметрические методы, которые позволяют анализировать и количественно оценить параметры качественного характера.

Возвращаясь в сегодняшний день, можно отметить ряд трансформационных процессов, характерных для большинства регионов мира.

1. Падения эффективности капитала — отрицательные ставки по депозитам в ЕС и почти нулевая ставка рефинансирования в США.
2. Кризис эффективности кластерного подхода — падение спроса, рост конкуренции внутри кластеров.
3. Обострение социальных противоречий — движение «Black lives matter» (BLM), столкновения с мигрантами в ЕС.
4. Дихотомия между патентным правом и открытостью инноваций — вопрос открытия патента на вакцины от Covid-19.
5. Дивергенция пространства регионов — сверхконцентрация капитала и труда, рост агломераций.
6. Возрождение протекционизма — торговая война, например, между Китаем и США.

Глобализация и мировая торговля в значительной степени погасили факторы внутреннего роста и развития регионов, демонтировали механизмы управления, связанные с национальным и региональным регулированием [10; 26]. Соответственно, возникающие трансформации стали приобретать непредсказуемый и неуправляемый характер. На этой основе возникает новое понятие «черный лебедь».

В настоящее время происходит очередной этап осмысления природы прошедшего кризиса и механизмов управления региональными трансформациями, где на первое место выходят вопросы, связанные с возвращением управляемости региональным экономическим системам. Исследователи видят выход в стимулировании регионального роста, инновационного и технологического развития как фундамента будущего благополучия регионов. Соответственно, в части методологии на первый план выходит работа с разнообразными данными с более низких уровней управления (кантоны, штаты, провинции, муниципалитеты и т. п.). Причем существенное значение для трансформационных процессов признается как за количественными, так и за качественными параметрами. На этой основе выстраиваются системы и модели анализа на основе панельных данных (ряд параметров во времени и пространстве) и больших данных (VVV: volume — обычно речь идет о количестве единиц наблюдения от десятков тысяч до миллионов; variety — многообразие параметров (сотни и тысячи), которые описывают эти единицы наблюдения; velocity — скорость обработки этих данных и получения результатов). Примерами такого рода работ являются Dash [17], Gil-Alana, Skare, Buric [24], Klimek, Poledna, Thurner [29].

В данной работе методология будет выстроена сообразно современным принципам, сложившимся в данной предметной области. В качестве ключевых количественных параметров мы будем рассматривать частоту упоминания обозначенных нами трендов. Таблица сочетания (матрица коинтеграции) будет способствовать включению в наше исследование качественных параметров. А далее семантическое облако покажет динамику и пространство, многомерность вопросов (научных проблем), рассматриваемых в рамках данной предметной области.

Следует отметить, что для изменения набора инструментов в принятии управленческих решений требуется формирование условий, позволяющих снизить влияние глобальных институтов, формирующих единые стандарты поведения и оценки конечного результата. К таким событиям за последние 5 лет можно отнести:

- 1) Парижское соглашение по климату (2015 г.) — соглашение, заменившее Киотский протокол, призванное урегулировать действия международного сообщества в борьбе с изменением климата и сокращения выбросов CO²;
- 2) Brexit (2016 г.) — выход Великобритании из Европейского Союза, поставивший много вопросов о дальнейшей судьбе единой Европы, ключевыми из которых можно считать развитие протекционистских настроений и разделение финансовых потоков;

- 3) юань — резервная валюта (2016 г.), включенная МВФ в корзину СДР в качестве пятой валюты наряду с долларом США, евро, японской иеной и фунтом стерлингов, что позволило Китаю усилить свое экономическое влияние на мир;
- 4) климатическая повестка (2017–2018 гг.) — выход Д. Трампа из Парижского соглашения, приведший к разрушению единого подхода среди государственных структур в борьбе за экологию и давший возможность перехватить повестку правозащитным организациям;
- 5) торговые войны (2018 г.) — падение значимости международных правил торговли и ВТО, когда наибольший интерес представляет противостояние США и КНР, во время которого за 2018 и начало 2019 гг. США обложили пошлинами китайский импорт в США на 370 млрд долл. в год, что привело к новому витку экономического противостояния;
- 6) соглашение ОПЕК о квотировании (2017–2020 гг.), начавшее действие с начала 2017 г., неоднократно продливавшееся, менявшее условия, расторгнутое в 2020 г. (6 марта 2020 г. соглашение развалилось, так как страны ОПЕК+ не смогли договориться ни об изменении параметров соглашения о сокращении добычи нефти, ни о его продлении; 12 апреля 2020 г. страны ОПЕК+ смогли заключить новое соглашение, которое вступило в силу 1 мая, когда его участники договорились о сокращении добычи нефти на 9,7 млн баррелей в сутки на два месяца, а в июне это условие было продлено на июль; с 1 августа 2020 г. стартовал второй этап сделки, который заключается в ослаблении ограничений с 9,7 млн баррелей в сутки до 7,7 млн).

Основу исследований составляют публикации по теме с упоминанием определенных выше трендов. Нами отобраны 30 журналов по двум направлениям DEVELOPMENT STUDIES и ECONOMICS AND ECONOMETRICS, в общей сложности обработано более 120 научных публикаций в области регионального управления. Результаты исследования призваны подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что отобранные события, являясь точками бифуркации, оказывают воздействие на экспертное сообщество и трансформируют подходы к управлению социально-экономическим пространством.

Результаты

Обозначенные выше тренды упоминаются в 89 статьях. Наибольшее влияние на региональное управление, по мнению авторов публикаций, оказали Brexit (26 статей) и включение юаня в число резервных валют (17 статей). В меньшей степени авторы обращались к теме ОПЕК, так как последствия принятого соглашения в полной мере стали проявляться только в 2021 г. (рис. 1).

Основная публикационная активность приходится на 2019–2020 гг. В этот период определяются основные последствия событий 2016 г. Становятся очевидны противоречия в подходах отдельных стран относительно климатической повестки, что усугубляется решением президента США выйти из Парижского соглашения по климату. В это же время происходит основная часть переговоров о перспективах Европейского Союза и дальнейшем сотрудничестве с Великобританией. Наибольшее ослабление эти тренды оказывают на кластерный подход в региональном управлении и работу международных экономических институтов, в том числе ВТО.

Следует отметить, что треть публикаций обращается к роли Китайской Народной Республики в формировании макроэкономических условий для стратегического развития отдельных регионов. В разрезе Азиатско-Тихоокеанского региона роль КНР заключается в разработке планов долгосрочного инвестирования, то есть фактически определения стратегических ориентиров отдельных стран. Для Европы тема Китая раскрывается в иных аспектах, к которым можно отнести вопросы

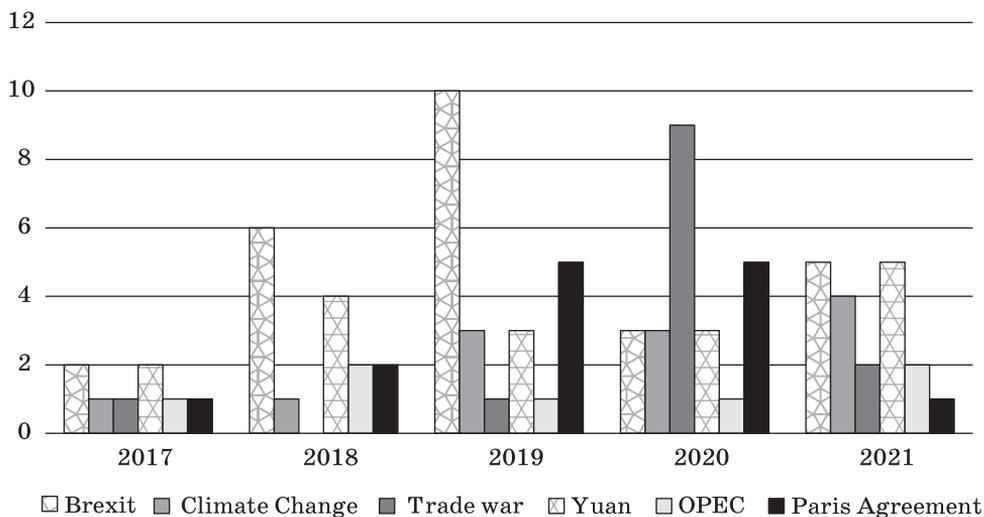

Рис. 1. Количество упоминаний реперных событий за период 2017–2021 гг.
 Fig. 1. Number of references to reference events for the period 2017–2021

международной торговли, экспорта технологий и использование ресурсного потенциала КНР. В это же время европейские и некоторые американские авторы приходят к выводу относительно наличия успешных кейсов в территориальном управлении отдельными регионами Китая и анализируют возможности планового хозяйства Китая показывать эффективность в условиях внешней неопределенности на глобальных рынках. Волатильность рынков начинает резко нарастать 2020 г., что можно проследить по обращениям авторов к теме торгового противостояния между США и КНР.

На основе рассмотренных данных нами определена степень влияния событий, рассмотренных выше, как реперных, для сложившихся трендов трансформации социально-экономического пространства регионов. Рассмотрим таблицу, где представлены сочетания трендов и событий, а также определены три уровня воздействия.

Как видно из таблицы, наибольшее влияние все отобранные для исследования реперные события оказали на такие тренды, как дивергенция пространства регионов и возрождение протекционизма. Сверхконцентрация капитала и труда, рост агломераций приводит к формированию отдельных точек роста внутри стран. Это создает условия для роста неравенства социально-экономического развития в регионах. Если в начале XXI в. данный тренд наблюдался преимущественно в развитых странах, то сегодня можно констатировать его распространение и на страны G7, например, «ржавый пояс» в США [1], районы проживания мигрантов во Франции [4] и т. д. Усиление расслоения территории формирует различные модели управления региональными хозяйственными системами [7].

Сверхуспешные регионы теряют мотивацию к более равномерному распределению прибыли и, в попытках концентрации финансовых потоков, обращаются к протекционистским мерам. Эти действия, связанные с падением эффективности капитала, ставят перед руководством стран вопрос не только возможности сбережения энергии на основе возобновляемых источников, но и сохранения денежных активов при отрицательных ставках по депозитам.

Рост противоречий между ведущими странами мира приводит к нарастанию проблемы дихотомии между патентным правом и открытостью инноваций. Есте-

Степень влияния реперных событий на сложившиеся тренды в трансформации социально-экономического пространства регионов

Table. Degree of influence of reference events on developed trends in transformation of socio-economic space of regions

События	Тренды					
	Падение эффективности капитала	Кризис кластерного подхода	Обострение социальных противоречий	Дихотомия между патентным правом и открытостью инноваций	Дивергенция пространства регионов	Возрождение протекционизма
Brexit	+	+++	+++	++	+	+++
Изменение климата	++	+	+++	+	++	+
Торговые войны	+++	+	+	+++	++	+++
Юань резервная валюта	+	++	+	+	+++	++
Соглашение ОПЕК о квотировании	+	++	+	+++	+	++
Парижское соглашение по климату	+	+	++	+	+++	++

Примечание: +++ значительное влияние на формирование тренда; ++ умеренное влияние на формирование тренда; + незначительное влияние на формирование тренда.

ственными становятся патентные войны и усиление закрытости корпоративных разработок. Даже в такой острой, на начало 2021 г., теме, как признание вакцин от COVID-19, нет единого мнения, тем более маловероятным является открытость в технологии разработки вакцин.

Дискуссия

Заключительным этапом анализа источников в рамках данного обзора стало построение и анализ нескольких семантических облаков. Было построено два облака по статьям 2000-х и 2018–2020-х гг. В данном случае мы преследовали цель оценить изменения структуры и основных смысловых конструкций статей. Для построения использовался открытый ресурс Word in Out (<https://worditout.com/>). Здесь традиционно цветом отражается мера связанности категорий (слов) в облаке, размером — частота упоминания в исходном тексте. Взаимное расположение слов в облаке отражает тематические области и устойчивые смысловые конструкции.

На рис. 2, отражающем содержание статей 2000-х гг., на первом месте по упоминаемости находится слово экономика, однако мера его связанности с другими конструкциями в статьях невысока. Ключевые области связаны с ценами (price), торговлей (trade), товарами (good), секторами (sector), странами (country), трудом (labor), порочностью (vicious), городом (urban). Один блок группируется вокруг слова price (цены) и связан с эффективностью и эффектами торговли, ценами и возникающим в связи с этим неравенством (Gini (индекс Джини),

Рис. 2. Семантическое облако по материалам статей 2000-х годов
Fig. 2. Semantic cloud based on the materials of the articles of the 2000s

inequality (неравенство) и различными структурами (public, enterprises; national, international). Другая область связана с явлением роста (growth), обусловленного социальной производительностью, урбанизацией, планированием и моделированием, деятельностью домохозяйств. Еще одна область связана со странами (country) и сравнением доходов в них, что дополняется анализом труда и условий занятости. Третья область посвящена вопросам институционального контекста. Центральным здесь является понятие равновесия (equilibrium) и связанные с ним политические реформы, правительственные транзакции, сектора и рыночная власть.

На рис. 3, анализирующем содержание более современных статей, видно принципиальное отличие. На первое место по упоминаемости и по связанности выходит понятие регион и региональный (regional). То есть, можно видеть, что в статьях фокус внимания смещается в сторону региональных систем. Также принципиально меняется перечень других наиболее упоминаемых слов. Здесь: исследования (studies, research), инновации (innovation), энергия (energy), кластеры (clusters), системы (systems).

Рис. 3. Семантическое облако по материалам статей 2018–2021 годов
Fig. 3. Semantic cloud based on the materials of articles 2018–2021

На стыке областей кластеров и инноваций проявляются коллаборация, позитив, процессы, технологии, устойчивость и развитие. Инновации и системы окружены понятиями сети и рамки, перспективы и программы изменений. Экономика в регионе предполагает городское планирование, региональные инновационные системы, моделирование локального потенциала. Область, связанная с исследованиями, формирует стратегии, знания, ресурсы, политику, значимость.

Очевидно, что за 20 лет развития предметной области, связанной с трансформацией пространства, произошли существенные изменения не только в общем контексте рассуждений о них, но и в понимании природы трансформаций и их влияния. Если в 2000-е основное влияние на регион предполагалось через международную торговлю, то к 2020-м осознали наличие и значимость большого числа внутренних факторов. В части результатов трансформаций также произошел транзит от сравнительных ценовых преимуществ, большей обеспеченностью благами в сторону равенства, устойчивости, инноваций.

Выводы

При том что большинство стран декларируют ключевым стратегическим направлением устойчивость, мы можем наблюдать рост неопределенности, особенно в макроэкономическом пространстве. Исследование подтвердило главенствующую роль регионального фактора в развитии стран. Из определенных в работе реперных событий можно сделать вывод о трансформации роли Китая, как лидера в вопросах формирования концепций регионального управления. Ключевым вызовом для всего мира станет выстраивание международных отношений в условиях протекционизма и глобализации. В таких условиях Россия имеет опыт автономного территориального развития и может трансформировать ряд его элементов для решения вызовов, стоящих перед страной сегодня.

Хотелось бы отметить несколько ключевых выводов.

1. Национальные экономики трансформировались в системы взаимодействующих экономических регионов, которые, как правило, являются системными образованиями комплексного характера.

2. Формирование экономических регионов как подсистем национальных экономик поставило задачу поиска равновесия в их пределах и нахождения оптимального способа распределения ресурсов между ними как условия поддержания общего экономического равновесия в национальной экономике.

3. Трансформировались лидеры общественного мнения: наряду со снижением уровня влияния и эффективности деятельности международных институтов, государственные учреждения отдают лидерство гражданским активистам и организациям, что часто приводит к росту социальной напряженности.

4. Региональные и глобальные кризисы 1980–2000-х годов продемонстрировали серьезный дисбаланс в распределении экономических и технологических ресурсов в мире, что требует трансформаций взаимодействий экономического и технологического контуров в глобальном масштабе для обеспечения равномерности, устойчивости и сбалансированности.

Литература

1. *Беляев В. И.* Экономический рост и региональное воспроизводство в системе стратегического управления регионом // Экономика. Профессия. Бизнес. 2017. № 3. С. 5–15.
2. *Вебер А.* Теория размещения промышленности. М. : Книга. 1926.
3. *Каткова М. А., Митяева Н. В.* Неравновесность развития институциональной системы: феномен фундаментальности случайного // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2014. № 11 (77). С. 16–28.

4. Макрон объявляет войну «исламистскому сепаратизму» и французским гетто, 2020 // Информационное агентство «РИА НОВОСТИ» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201011/makron-1579163002.html> (дата обращения: 12.07.2021).
5. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. 2010. № 3 (50). С. 726.
6. Нижегородцев Р. М. Парадигма неравновесия и задачи государственного управления в Российской Федерации в условиях импортозамещения институтов // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 58. С. 39–53.
7. Рослякова Н. А., Дорофеева Л. В. Влияние коронакризиса на динамику потребительских цен в регионах России // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 4. С. 64–75.
8. Barzotto M., Corradini C., M Fai F., Labory S., R Tomlinson P. Enhancing innovative capabilities in lagging regions: an extra-regional collaborative approach to RIS3 // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2019. Vol. 12. N 2. P. 213–232.
9. Burmeister E., Turnovsky S. J. Price Expectations, Disequilibrium Adjustments, and Macroeconomic Price Stability // Journal of Economic Theory. 1978. N 17. P. 287–311.
10. Calcagnini G., Perugini F. Income distribution dynamics among Italian provinces. The role of Bank Foundations // Applied Economics. 2019. Vol. 51. P. 3198–3211.
11. Cantner U., Dettmann E., Giebler A., Guenther J., Greve M. The impact of innovation and innovation subsidies on economic development in German regions // Regional Studies, Regional Science. 2019. N 53. P. 1284–1295.
12. Chapple K., Lester T. W. The resilient regional labour market? The US case // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2010. N 3. P. 85104.
13. Chen Ch.-L., Vickerman R. Can transport infrastructure change regions' economic fortunes? Some evidence from Europe and China // Regional Studies. 2017. N 51. P. 144–160.
14. Chen P. China's Challenge to Economic Orthodoxy: Asian Reform as an Evolutionary, Self-Organizing Process // China Economic Review. 1993. Vol. 4. N 2. P. 137–142.
15. Coenen L., Hansen T., Glasmeier A., Hassink R. Regional foundations of energy transitions // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2021. Vol. 14. N 2. P. 219–233.
16. Conteh C. Changing Trends in Regional Economic Development Policy Governance: The Case of Northern Ontario, Canada // International Journal of Urban and Regional Research. 2013. Vol. 37.4. P. 1419–1437.
17. Dash S. K. Has the Feldstein-Horioka puzzle waned? Evidence from time series and dynamic panel data analysis // Economic Modelling. 2019. Vol. 83. P. 256–269.
18. Derlukiewicz N., Mempel-Śnieżyk A., Mankowska D., Dyjakon A., Minta S., Pilawka T. How do Clusters Foster Sustainable Development? An Analysis of EU Policies // Sustainability. 2020. N 12. P. 1297.
19. Di Caro P. Recessions, recoveries and regional resilience: evidence on Italy // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2015. Vol. 8 (2). P. 273–291.
20. Fernandes C., Farinha L., Ferreira J., Asheim B., Rutten R. Regional innovation systems: what can we learn from 25 years of scientific achievements? // Regional Studies. 2020. Vol. 55. P. 377–389.
21. Garbaccio R. F. Price Reform and Structural Change in The Chinese Economy: Policy Simulations Using A CGE Model // China Economic Review. 1994. Vol. 6. N 1. P. 1–34.
22. García M. The Breakdown of the Spanish Urban Growth Model: Social and Territorial Effects of the Global Crisis // International Journal of Urban and Regional Research. 2010. Vol. 34.4. P. 967–880.
23. Gianelle C., Kyriakou D., Mccann P., Morgan K. Smart Specialisation on the move: reflections on six years of implementation and prospects for the future // Regional Studies. 2020. N 54. P. 1323–1327.
24. Gil-Alana L. A., Skare M., Buric S. B. Testing Okun's law. Theoretical and empirical considerations using fractional integration // Applied Economics. 2019. Vol. 52. P. 459–474.
25. Gills B. K. Re-orienting the New (International) Political Economy // New Political Economy. 2001. Vol. 6. N 2. P. 233–245.
26. Giordano C., Marinucci M., Silvestrini A. The macro determinants of firms' and households' investment: Evidence from Italy // Economic Modelling. 2018. Vol. 78 (C). P. 118–133.
27. Glass M. R., Addie J.-P. D., Nelles J. Regional infrastructures, infrastructural regionalism // Regional Studies. 2019. N 53. P. 1651–1656.
28. Kawata T. The Japanese Economic Disequilibrium // The Developing Economies. 1976. N 14. P. 3–20.

29. Klimek P., Poledna S., Thurner S. Quantifying economic resilience from input–output susceptibility to improve predictions of economic growth and recovery // *Nature communications*. 2019. Vol. 10. DOI: 10.1038/s41467-019-09357-w.
30. Knight J. Reform, Growth, and Inequality in China // *Asian Economic Policy Review*. 2008. N 3. P. 140–158.
31. Njøs R., Jakobsen S. Cluster policy and regional development: Scale, scope and renewal // *Regional Studies, Regional Science*. 2016. N 3 (1). P. 146169.
32. Partridge M. D., Rickman D. S., Ali K., Olfert M. R. Recent spatial growth dynamics in wages and housing costs: Proximity to urban production externalities and consumer amenities // *Regional Science and Urban Economics*. 2010. N 40. P. 440–452.
33. Ranis G., Stewart F. Growth and Human Development: Comparative Latin American Experience // *The Developing Economies*. 2001. Vol. 39. N 4. P. 333–365.
34. Renard M.-F. A pessimistic view on the impact of regional inequalities // *China Economic Review*. 2002. N 13. P. 341–344.
35. Sachs J., Yang Xi., Zhang D. Globalization, dual economy, and economic development // *China Economic Review*. 2000. N 11. P. 189–209.
36. Silvapulle P., Moosa I. A., Silvapulle M. J. Asymmetry in Okun's law // *Canadian Journal of Economics*. 2004. Vol. 37. N 2. P. 353–374.
37. Tasan-Kok T., Korthals Altes W. K. Rescaling Europe: Effects of Single European Market Regulations on Localized Networks of Governance in Land Development // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2012. Vol. 36 (6). P. 1268–1287.
38. Turati G. Regional healthcare decentralization in unitary states: equal spending, equal satisfaction? // *Regional Studies*. 2017. N 52. P. 1–12.
39. Varian H. R. On Persistent Disequilibrium // *Journal of Economic Theory*. 1975. N 10. P. 218–228.
40. Vidal M. On the Persistence of Labour Market Insecurity and Slow Growth in the US: Reckoning with the Waltonist Growth Regime // *New Political Economy*. 2012. Vol. 17. N 5. P. 543–564.

Об авторах:

Дорофеева Людмила Владимировна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; dorofeeva-lv@ranepa.ru

Рослякова Наталья Андреевна, старший научный сотрудник Института проблем управления РАН (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; roslyakovaNA@gmail.com

References

1. Belyaev V. I. Economic growth and regional reproduction in the system of strategic management of the region // *Economy. Profession. Business [Ekonomika. Professiya. Biznes]*. 2017. N 3. P. 5–15. (in Rus)
2. Veber A. *Teoriya razmeshcheniya promyshlennosti*. M. : Kniga [Book], 1926. (in Rus)
3. Katkova M. A., Mityaeva N. V. Disequilibrium of the development of the institutional system: the phenomenon of the fundamentality of the random // *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics [Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova]*. 2014. N 11 (77). P. 16–28. (in Rus)
4. Macron declares war on “Islamist separatism” and French ghettos, 2020 // *RIA NOVOSTI [Electronic source]*. URL: <https://ria.ru/20201011/makron-1579163002.html> (accessed: 12.07.2021). (in Rus)
5. Minakir P. A., Dem'yanenko A. N. Spatial economics: evolution of approaches and methodology // *Economic Science of modern Russia [Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii]*. 2010. N 3 (50). P. 7–26. (in Rus)
6. Nizhegorodcev R. M. The paradigm of disequilibrium and the tasks of public administration in the Russian Federation in the context of import substitution of institutions // *Public administration [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik]*. 2016. N 58. P. 39–53 (in Rus)
7. Roslyakova N. A., Dorofeeva L. V. The coronacrisis impact on the dynamics of consumer prices in Russian regions // *Regional Economy. South of Russia [Regional'naya ekonomika. Yug Rossii]*. 2020. N 4 (Vol. 8). P. 64–75. (in Rus)
8. Barzotto M., Corradini C., M Fai F., Labory S., R Tomlinson P. Enhancing innovative capabilities in lagging regions: an extra-regional collaborative approach to RIS3 // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2019. Vol. 12. N 2. P. 213–232.

9. Burmeister E., Turnovsky S. J. Price Expectations, Disequilibrium Adjustments, and Macroeconomic Price Stability // *Journal of Economic Theory*. 1978. N 17. P. 287–311.
10. Calcagnini G., Perugini F. Income distribution dynamics among Italian provinces. The role of Bank Foundations // *Applied Economics*. 2019. Vol. 51. P. 3198–3211.
11. Cantner U., Dettmer E., Giebler A., Guenther J., Greve M. The impact of innovation and innovation subsidies on economic development in German regions // *Regional Studies, Regional Science*. 2019. N 53. P. 1284–1295.
12. Chapple K., Lester T.W. The resilient regional labour market? The US case // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2010. N 3. P. 85104.
13. Chen Ch.-L., Vickerman R. Can transport infrastructure change regions' economic fortunes? Some evidence from Europe and China // *Regional Studies*. 2017. N 51. P. 144–160.
14. Chen P. China's Challenge to Economic Orthodoxy: Asian Reform as an Evolutionary, Self-Organizing Process // *China Economic Review*. 1993. Vol. 4. N 2. P. 137–142.
15. Coenen L., Hansen T., Glasmeier A., Hassink R. Regional foundations of energy transitions // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2021. Vol. 14. N 2. P. 219–233.
16. Conteh C. Changing Trends in Regional Economic Development Policy Governance: The Case of Northern Ontario, Canada // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2013. Vol. 37.4. P. 1419–1437.
17. Dash S. K. Has the Feldstein-Horioka puzzle waned? Evidence from time series and dynamic panel data analysis // *Economic Modelling*. 2019. Vol. 83. P. 256–269.
18. Derlukiewicz N., Mempel-Snieżyk A., Mankowska D., Dyjakon A., Minta S., Pilawka T. How do Clusters Foster Sustainable Development? An Analysis of EU Policies // *Sustainability*. 2020. N 12. P. 1297.
19. Di Caro P. Recessions, recoveries and regional resilience: evidence on Italy // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2015. Vol. 8 (2). P. 273–291.
20. Fernandes C., Farinha L., Ferreira J., Asheim B., Rutten R. Regional innovation systems: what can we learn from 25 years of scientific achievements? // *Regional Studies*. 2020. Vol. 55. P. 377–389.
21. Garbaccio R. F. Price Reform and Structural Change in The Chinese Economy: Policy Simulations Using A CGE Model // *China Economic Review*. 1994. Vol. 6. N 1. P. 1–34.
22. García M. The Breakdown of the Spanish Urban Growth Model: Social and Territorial Effects of the Global Crisis // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2010. Vol. 34.4. P. 967–880.
23. Gianelle C., Kyriakou D., Mccann P., Morgan K. Smart Specialisation on the move: reflections on six years of implementation and prospects for the future // *Regional Studies*. 2020. N 54. P. 1323–1327.
24. Gil-Alana L. A., Skare M., Buric S. B. Testing Okun's law. Theoretical and empirical considerations using fractional integration // *Applied Economics*. 2019. Vol. 52. P. 459–474.
25. Gills B. K. Re-orienting the New (International) Political Economy // *New Political Economy*. 2001. Vol. 6. N 2. P. 233–245.
26. Giordano C., Marinucci M., Silvestrini A. The macro determinants of firms' and households' investment: Evidence from Italy // *Economic Modelling*. 2018. Vol. 78 (C). P. 118–133.
27. Glass M. R., Addie J.-P.D., Nelles J. Regional infrastructures, infrastructural regionalism // *Regional Studies*. 2019. N 53. P. 1651–1656.
28. Kawata T. The Japanese Economic Disequilibrium // *The Developing Economies*. 1976. N 14. P. 3–20.
29. Klimek P., Poledna S., Thurner S. Quantifying economic resilience from input–output susceptibility to improve predictions of economic growth and recovery // *Nature communications*. 2019. Vol. 10. DOI: 10.1038/s41467-019-09357-w.
30. Knight J. Reform, Growth, and Inequality in China // *Asian Economic Policy Review*. 2008. N 3. P. 140–158.
31. Njøs R., Jakobsen S. Cluster policy and regional development: Scale, scope and renewal // *Regional Studies, Regional Science*. 2016. N 3 (1). P. 146169.
32. Partridge M. D., Rickman D. S., Ali K., Olfert M. R. Recent spatial growth dynamics in wages and housing costs: Proximity to urban production externalities and consumer amenities // *Regional Science and Urban Economics*. 2010. N 40. P. 440–452.
33. Ranis G., Stewart F. Growth and Human Development: Comparative Latin American Experience // *The Developing Economies*. 2001. Vol. 39. N 4. P. 333–365.
34. Renard M-F. A pessimistic view on the impact of regional inequalities // *China Economic Review*. 2002. N 13. P. 341–344.

35. Sachs J., Yang Xi., Zhang D. Globalization, dual economy, and economic development // *China Economic Review*. 2000. N 11. P. 189–209.
36. Silvapulle P., Moosa I.A., Silvapulle M.J. Asymmetry in Okun's law // *Canadian Journal of Economics*. 2004. Vol. 37. N 2. P. 353–374.
37. Tasan-Kok T., Korthals Altes W.K. Rescaling Europe: Effects of Single European Market Regulations on Localized Networks of Governance in Land Development // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2012. Vol. 36 (6). P. 1268–1287.
38. Turati G. Regional healthcare decentralization in unitary states: equal spending, equal satisfaction? // *Regional Studies*. 2017. N 52. P. 1–12.
39. Varian H.R. On Persistent Disequilibrium // *Journal of Economic Theory*. 1975. N 10. P. 218–228.
40. Vidal M. On the Persistence of Labour Market Insecurity and Slow Growth in the US: Reckoning with the Waltonist Growth Regime // *New Political Economy*. 2012. Vol.17. N 5. P. 543–564.

About the authors:

Ludmila V. Dorofeeva, Associate Professor, Chair of Public and Municipal Management, of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; dorofeevalucy@gmail.com

Natalia A. Roslyakova, Senior Research Fellow of V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; roslyakovaNA@gmail.com